

А.Л. Посадсков

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ЖУРНАЛИСТЫ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СРЕДЕ: ФОРМУЛА ВЫЖИВАНИЯ (1920–1930-е гг.)

Финальный этап Гражданской войны, а именно 1920–1922 гг., стал временем исхода из России крупных литературных сил. Вместе с войсками белогвардейских правительств страну покидали писатели и журналисты, чья предыдущая деятельность была связана с печатной пропагандой Белого движения, с публичным сотрудничеством в контрреволюционных изданиях или службой в правительственных учреждениях белых режимов¹. Литераторы имели полное основание опасаться большевиков: вслед за частями Красной армии на отвоеванные территории приходили органы ВЧК, учинявшие быстрые расправы с «белогвардейскими» авторами.

6 марта 1920 г. в Томске были одновременно расстреляны старый журналист и ученый, редактор газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианов и молодой поэт – сотрудник местной прессы М.Б. Барахович. В начале 1920 г. в Красноярске был казнен поэт-сатирик Ф.Ф. Филимонов, редактор кадетской газеты «Свободная Сибирь», его тело сбросили в Енисей. Спустя год был изловлен и расстрелян в Омске В.А. Жардецкий – бывший редактор кадетской газеты «Сибирская речь». В июне 1920 г. вместе с колчаковскими министрами в Омске расстреляли директора-распорядителя Русского общества печатного дела А.К. Клафтона. Список можно продолжить.

Но далеко не все литераторы, работавшие в Белом движении, с приходом красных поспешили за границу. Целый ряд авторов белой пропаганды, в том числе известных, по разным причинам – от патриотических до чисто семейных – не захотел или не смог уехать в эмиграцию. Они остались в советской России и волей-неволей долж-

¹ Автор статьи должен оговориться, что он рассматривает судьбы тех литераторов, чья профессиональная работа протекала в 1918–1919 гг. на территории, занятой войсками Российского правительства адмирала А.В. Колчака, то есть на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

ны были принять условия жизни в том государстве, против которого ранее боролись. Их интеграция в советскую литературную среду носила длительный характер и имела различные для каждого результаты. По наблюдениям автора данной статьи, бывшие «белогвардейские» писатели и журналисты, пытаясь сохранить себя в литературе и при этом вписаться в идеологию советского режима, использовали три разных модели жизненного и творческого поведения.

Первая, наиболее успешная модель или стратегия поведения состояла в том, чтобы временно затаиться, работать (в ряде случаев под чужой фамилией) в советских учреждениях и тем самым создать себе «советскую» биографию – а в нужный момент, когда станет возможным, вернуться в литературу и журналистику. При этом подразумевалось, что писатель не будет поступаться гражданскими и литературными принципами и вообще предпочтет руководствоваться своими творческими интересами (хотя и допуская, в режиме текущей ситуации, некоторые уступки советской конъюнктуре).

Блестящий пример такой разумно выстроенной линии поведения – судьба знаменитого в советской литературе писателя В. Яна (Василия Григорьевича Янчевецкого), автора трилогии «Чингизхан», «Батый» и «К последнему морю». Успешный журналист-международник в дореволюционное время, корреспондент Петроградского телеграфного агентства и ведущих русских газет на Балканах и Ближнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны, В.Г. Янчевецкий одновременно с литературной работой, по-видимому, выполнял в этих странах разведывательные задания Генерального штаба русской армии². Он начал свою борьбу с большевизмом в ноябре 1917 г., находясь в составе русских войск в Яссах, на территории Румынии. Янчевецкий стал издателем газеты «Республиканец». В июне 1918 г., прорвавшись через большевистскую территорию в «белую» Самару, он оборудовал походный вагон-типографию и в ноябре 1918 г. возобновил в Челябинске издание газеты, которая в январе 1919 г. получила название «Родина». Обратившись в отдел печати Управления делами Верховного правителя А.В. Колчака и его Совета министров, Янчевецкий получил необходимое финансирование и 4 марта 1919 г. продолжил выпуск фронтовой газеты, теперь уже под именем «Вперед!». В феврале 1919 г. вагон с типографией и редакцией газеты прибыл в Омск, став «на якорь» в одном из тупиков железнодорожной станции, а 22 февраля В.Г. Янчевецкий получил

чин полковника и был назначен на должность начальника Осведомительного (то есть пропагандистского) отделения ссобой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего А.В. Колчака³.

Газета «Вперед!» целиком заполнялась антибольшевистскими материалами. Кроме официоза, в ней публиковались статьи и сатирические стихи самого редактора-издателя В. Янчевецкого, а также молодых талантливых литераторов, которых редактор целенаправленно собирал вокруг себя, устраивая на службу в редакцию и типографию и тем самым спасая от мобилизации в белую армию. Две теплушки, следовавшие за вагоном-типографией, постепенно заполнялись сотрудниками газеты, некоторые из которых спустя время сказали свое слово в литературе (к типографии на колесах была прицеплена еще и третья теплушка, в которой жил сам редактор с семьей). В марте 1919 г. в газету «Вперед!» пришли два однофамильца: Всеволод Вячеславович Иванов, будущий классик советской литературы, и Николай Иванович Иванов (Анов), ставший затем известным как писатель советского Казахстана. Всеволод, кроме работы наборщика типографии, писал в газету рассказы и статьи, Николай был принят на должность корректора. В мае 1919 г. к ним присоединился недоучившийся студент Томского университета – и тоже начинающий писатель – Б.Д. Четвериков. Он был в газете военным корреспондентом⁴.

В ноябре 1919 г., накануне взятия Омска красными, редакция и типография газеты Янчевецкого вместе со всеми сотрудниками уехала в эвакуацию на восток. По дороге красные партизаны отбили вагон с типографией и загнали его в тупик на ст. Татарской, на полпути между Омском и Новониколаевском. Сотрудники газеты разбрелись по городам и весям. Сам В.Г. Янчевецкий с семьей доехал со штабным поездом до Ачинска и принял решение остаться в этом городе.

Началась длинная и чрезвычайно опасная эпопея «вращения» бывшего колчаковского полковника и активного деятеля белой пропаганды в советско-большевистскую действительность, а затем – и в советскую литературу. Положение В.Г. Янчевецкого осложнялось тем, что с ним была его семья (жена и сын). Он выбрал стратегию поведения, о которой говорилось выше: какое-то время незаметно существовать в недрах российской глубинки, дожидаться более благоприятного времени и легализоваться, вернувшись к любимым литературным занятиям.

³ Просветов И.В. 10 жизней Василия Яна: Белогвардеец, которого наградила Сталин. М., 2016. С. 121, 125–127, 130–131.

⁴ Там же. С. 137–138, 158; Четвериков Б.Д. Стежки-дорожки: отрывок из главы воспоминаний // Клио. СПб., 1999. № 3(9). С. 320.

² Старый писатель С.Н. Марков в 1977 г. рассказывал автору настоящих строк, что в конце жизни В.Г. Ян, в ответ на настойчивые вопросы Маркова, не отрицал своей причастности к царской разведке, хотя и не подтверждал это публично.

На первом этапе требовалось держаться как можно дальше от крупных городов, где Янчевецкого могли опознать, уйти в сибирскую глушь, сменить профессию и устроиться в небольшом советском учреждении. Из Ачинска, где Янчевецкий, обратившись в уездный отдел народного образования, получил должность школьного инспектора (до революции он преподавал в одной из петербургских гимназий). Василий Григорьевич и его жена Мария Маслова завербовались учителями в русскую школу села Уюк Урянхайского края (Тувы). Год, с октября 1920 по сентябрь 1921 г., В.Г. Янчевецкий служил учителем и попутно работал писарем в сельсовете, организовал крестьянский театр и написал для него бесхитростную деревенскую комедию «Сваха из Моторского»⁵. Будучи арестованным по доносу предыдущего сельского писаря, а затем освобожденным по распоряжению «главного большевика» Тувы И.Г. Сафьянова, Василий Григорьевич поспешил скрыться из Уюка, зачислившись в Туране делопроизводителем канцелярии батальона Красной армии. Он перебирается в Минусинск, где работает возчиком в кооперативе, а затем учетчиком на мельнице. Летом 1922 г. он возвращается, наконец, в лоно любимой профессии: предложив свои услуги уездному комитету РКП(б), В.Г. Янчевецкий становится помощником редактора уездной газеты «Власть труда», первый номер которой вышел 1 сентября 1922 г. В газете появляется его новый псевдоним В. Ян.

Работа в коммунистической газете предполагала некий компромисс Яна с советской идеологией – и он писал соответствующие статьи, брал интервью у красных партизан, начиная с командира партизанской армии П.Е. Щетинкина, записывал воспоминания жителей Шушенского о ссылке Ленина. Но эта же служба на большевистскую власть создавала для Янчевецкого лояльную биографию, становилась стартовой площадкой для движения в столичную литературу. В Минусинске он, кроме газетной работы, создал студию при Первом советском театре, в которой ставил большое количество пьес собственного сочинения – в основном «без идеологии», комедийные и развлекательные: «Сват из Каратуза», «Египетские ночи», «Сельская учительница», «Цыгане» и др. Были, однако, в репертуаре «идейные» пьесы В. Яна: «Деревня, проснись!», «Невеста красного партизана», «Красноармейская звезда» и, в особенности, «Нита» – произведение «из эпохи омского переворота адмирала Колчака»⁶.

⁵ Просветов И.В. 10 жизней Василия Яна. С. 160–166; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2822. Оп. 1. Д. 34а. Л. 15–25.

⁶ Просветов И.В. 10 жизней Василия Яна. С. 168–173; РГАЛИ. Ф. 2822. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–16; Д. 34а. Л. 26–115.

Революционные пьесы стали поводом для возвращения В.Г. Янчевецкого в орбиту столичной жизни. Шел сентябрь 1923 г., всюду расцветал нэп, ведомство ЧК после преобразования в 1922 г. в ГПУ было на некоторое время ослаблено, в столицах прекратились массовые аресты «контрреволюционеров», идеологический радикализм государства заметно утих (появились даже частные театры и издательства, где «несоветские» писатели могли печататься), возродились научные и литературные общества с их журналами. Убедив Минусинский исполком послать его и театральную студию для демонстрации культурных достижений провинции в Москву на первую Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, Василий Григорьевич остался здесь насовсем.

Предстояла вторая задача: войти как новый автор во всероссийскую литературу, но не пресмыкаясь, а выражая себя, раскрывая свое творчество, работая над такими темами, к которым имелось давнее влечение. Терниев здесь было не меньше. Василий Григорьевич, пытаясь оптимизировать ситуацию, создать материальные ресурсы и выкроить максимум времени для творчества, переменял в 1920-е гг. множество мест работы. Он был корректором типографии еврейской коммунистической газеты «Дер Эмес», экономистом в правлении Госбанка СССР, в 1926 г. переехал в Самарканд и стал экономистом узбекского ВСНХ и Сельхозбанка УзССР, в конце 1927 г. вернулся в Москву. И только с этого времени (1928 г.) смог, наконец, целиком отдаться писательскому труду. Ранее, в середине 1920-х гг., он писал и предлагал для постановки московским театрам детские пьесы без идеологии, но с волшебными приключениями («Волшебный цветок», «Петрушка», «Летчик-колдун», «Икар»), лишь одна пьеса несла «идейную» нагрузку («Вперед по ленинской дороге»)⁷. В конце 1920-х гг., став на путь профессионального литератора, В.Г. Ян полностью отказывается от сюжетов, не свойственных его творческой натуре. Из-под его пера выходит отныне только историческая проза, историко-приключенческие и популярные произведения для юношества.

На первых порах помогал старый приятель В.А. Попов, бывший до революции редактором журнала «Вокруг света». Он, как и Янчевецкий, создавал и возглавлял до Первой мировой войны дружины русских скаутов, любил приключения и фантастику, а с приходом нэпа возобновил в Москве издание журналов «Всемирный следопыт» и «Всемирный турист». Среди прочих мастеров жанра в этих издани-

⁷ Просветов И.В. 10 жизней Василия Яна. С. 175, 180.

ях В. Попов опубликовал рассказы своего друга Василия Яна⁸. Первая крупная историческая повесть Яна об Александре Македонском «Финикийский корабль» вышла в издательстве «Молодая гвардия» весной 1931 г., искореженная цензурой (автор был вынужден изъять из книги всю первую часть и пять глав из других частей). Нашупав свою стезю и завязав прочные отношения с «Молодой гвардией», Василий Григорьевич выпустил здесь две таких же историко-беллетристических книги для юного читателя: «Спартак» и «Молотобойцы» (обе – 1933). Много мытарств пришлось пережить В.Г. Яну с изданием своего первого «взрослого» романа «Чингиз-хан», работу над которым он начал летом 1934 г. по заказу «Молодой гвардии». Готовую работу в 1935–1938 гг. трижды отвергла «Молодая гвардия» (каждый отказ заставлял автора переделывать книгу), а затем издательства «Советский писатель», «Журнально-газетное объединение», редакция журнала «Новый мир». Всех настораживала тематика и «фактура» романа, несвойственные для советской литературной традиции. Только в мае 1939 г. при содействии историков И.И. Минца и С.В. Бахрушина роман «Чингиз-хан» вышел в свет в Гослитиздате, открыв дорогу романам-продолжениям «Батый» и «К последнему морю»⁹. Неожиданно для самого автора романа «Чингиз-хан» получил в 1942 г. Сталинскую премию: «вождь народов» углядел в книге актуальную в дни военных испытаний тему борьбы народов СССР с чужеземной ордой захватчиков, противостояния массового героизма агрессии поработителей.

Линия поведения бывшего белогвардейца В. Янчевецкого одержала полный триумф. Не изменяя себе, он смог добиться в тоталитарном государстве общественного признания и соответствующего положения. Подводя некоторые итоги упорной борьбы за место в литературе, В. Ян в 1940 г. назвал основные черты своего литературного кредо, которым он руководствовался все эти годы и которому не изменил вопреки обстоятельствам. Он записал в дневнике: «...некоторые части моего “я” остаются нетленными и юными: 1. Любовь к красоте – внешней и внутренней (красота поступков, благородство подвигов); 2. Любовь к родине; 3. Чувство гордости и собственного достоинства; 4. Любовь к приключениям, созданиям необычайной сказки; 5. Фантазия»¹⁰.

⁸ Кучин В.Л. В.Г. Янчевецкий – зачинатель «Легионов юных разведчиков» в Петербурге в 1910 году и основатель журнала «Ученик» // Кучин В.Л. Скауты России. 1909–2007. История. Документы. Свидетельства. Воспоминания. М., 2008. С. 99.

⁹ Просветов И.В. 10 жизней Василия Яна. С. 212–219, 225–229.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 234–285.

Не следует, однако, забывать что В.Г. Ян и другие бывшие «белогвардейские» писатели (о них речь идет ниже), использовавшие схожую линию адаптации в советских литературных и бытовых условиях, по существу, вынуждены были придерживаться своего рода социальной конспирации. Интуитивно, не сговариваясь, они применяли в своей жизни некоторые правила, позволявшие им избежать (или максимально отсрочить) встречу с сотрудниками госбезопасности.

Правило первое состояло в том, чтобы выбрать местом проживания тот город, в котором писателя не знали до 1920 г. В.Г. Ян не вернулся в Ленинград, где его могли опознать как дворянина и офицера царской разведки. Оставаясь в Москве, он появлялся в невиской столице крайне редко, проездом.

Правило второе заключало в себе необходимость пользоваться только взятым в советское время псевдонимом, не подписываясь прежними псевдонимами или настоящей фамилией. Для Василия Григорьевича его новый псевдоним В. Ян оказался спасительным – полковника В.Г. Янчевецкого знали и помнили многие, но – как показала практика – никто из потенциальных разоблачителей не ассоциировал эту фигуру с беллетристом Яном, пишущим в журналы «Вокруг света» и «Всемирный следопыт». Сибирский писатель-большевик А.П. Оленич-Гнененко направил в 1948 г. донос в секретариат Союза советских писателей, в котором упоминался редактировавший газету «Вперед!» «некий полковник Янчевецкий, старый царский, а затем колчаковский контрразведчик»¹¹. Но и у этого бдительного литератора не хватило воображения связать имя белогвардейского полковника с лауреатом Сталинской премии.

Правило третье предполагало самоотстранение, по возможности, от участия во всяких многочисленных в 1920-е гг. литературных группах и союзах. Литературная полемика между группировками слишком часто переходила в разряд политических обвинений. В более крупных организациях – как «пролетарских писателей», так и «попутчиков» – существовала практика «прошупывания» социального происхождения, многократного написания анкет, контроля со стороны партийной верхушки и т. п. Писатель-одиночка имел больше шансов «не светиться» перед ГПУ – НКВД. Отметим, что В.Г. Ян стал членом Союза писателей СССР лишь в июле 1941 г.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Д. 34. Л. 45. Спустя 10 лет фразы из этого доноса А.П. Оленич-Гнененко повторит слово в слово в своих воспоминаниях (см. Оленич-Гнененко А.П. Суровые дни // Сибирские огни. Новосибирск, 1958. № 12. С. 123). Следует отметить, что слова о Янчевецком как о контрразведчике являются полным вымыслом – если Василий Григорьевич и выполнял до революции поручения царской разведки, то в контрразведке он не служил никогда.

Наконец, четвертое – и важнейшее – правило заключалось в том, чтобы, насколько возможно, публиковать произведения, далекие от советской актуальности, и тем самым не привлекать избыточного внимания литературной критики. Ян и другие литераторы из этого круга не писали (кроме крайней необходимости) произведений о «строительстве социализма», величии партии, об ударниках и стахановцах, Красной армии и т. д. Они работали в разных модификациях беллетристики, в детской, юношеской, приключенческой литературе – в тех жанрах, которые в идеологизированной атмосфере СССР считались литературой второго ряда. В большинстве случаев это совпадало (как у Яна) с литературными интересами самих писателей и позволяло существовать в писательской среде, не нарываясь на партийные оценки своего творчества.

Одновременно и независимо от В.Г. Яна эту же программу адаптации в советской литературе проходили – хотя гораздо быстрее – другие обитатели теплушек из его редакционного поезда – В.В. Иванов, Н.И. Анов (Иванов) и Б.Д. Четвериков. Бывшие «белогвардейские» сочинители и репортеры были практически неизвестны публике, и поэтому их переход от «белых» к «красным» остался никем не замеченным.

Но при этом писателям приходилось страховать. Вс.В. Иванов сам рассказал в облегченной беллетризованной форме о своем сотрудничестве в белогвардейской газете. Сделать это было необходимо, так как его бывший литературный учитель омский писатель Антон Семенович Сорокин, завидуя удачливому ученику, рассылал во все инстанции, включая редакции советских газет, письма с «разоблачением» работы Вс. Иванова на белых. Впервые В.В. Иванов сообщил об этом в 1922 г. в автобиографическом очерке, помещенном в № 3 журнала «Литературные записки». С тех пор Всеволод Вячеславович несколько раз повторял версию о том, как А.С. Сорокин, узнав, что Вс. Иванов опасается расправы за свое участие в омской Красной гвардии и хочет избежать призыва в белые войска, порекомендовал его как наборщика В.Г. Янчевецкому, а тот использовал талант вновь нанятого писателя и журналиста. В развернутом виде этот эпизод своей биографии Вс. Иванов привел в повести «История моих книг» (1957)¹². Но наиболее детально о своем «хождении» в Белое движение Вс.В. Иванов рассказал в 1939 г., под угрозой ареста, в покаянном письме И.В. Сталину: «Редактор попросил меня написать ему рассказ, затем статью. Я не хотел показывать ему, что не хочу или что я

¹² Иванов Вс.В. История моих книг // Наш современник. М., 1957. № 3. С. 120–141.

бывший красный, да и, по совести говоря, я устал и замучился... Словом, я написал в эту газетку несколько статей антисоветских и один или два рассказа... Больше за мной никаких антисоветских поступков не числится... Я не скрывал своего преступления, и если за него следовало судить, то можно было судить давно»¹³.

Касаясь своей жизни в Сибири, Вс. Иванов несколько раз повествовал и о том, как в 1920 г. чекисты чуть не расстреляли его, спутав с другим, более крупным «белым» журналистом – Всеволодом Никаноровичем Ивановым, бывшим в то время вице-директором Русского общества печатного дела и печатавшегося во многих правительственных газетах, в том числе и в газете «Вперед!» (Вс.Н. Иванов присоединился к отряду советских писателей много позже, в 1945 г., вернувшись из китайской эмиграции). Наличие «двойника» с такой же подписью «Вс. Иванов» позволяло Вс.В. Иванову, а затем и советским литературоведам ссылаться на то, что антибольшевистские публикации в омских газетах принадлежат перу Вс.Н. Иванова¹⁴. Двух Ивановых путал даже А.П. Оленич-Гнененко, чей донос в Союз писателей цитировался выше. Донося на Вс.Н. Иванова, Оленич-Гнененко приписывает ему биографию Вс.В. Иванова, а заодно награждает званием «профессора» (профессор Томского университета Б.П. Иванов тоже частенько выступал в белой прессе с антисоветскими статьями). В подаче А.П. Оленича-Гнененко это выглядит так: «Возможно, Президиуму [Союза советских писателей. – Авт.] неизвестны некоторые моменты биографии литератора-дальневосточника Всеволода Иванова. Поэтому считаю необходимым объяснить то, что знаю: в 1918 – [19]19 гг. профессор Всеволод Иванов чрезвычайно активно сотрудничал в самой махровой белогвардейской газете (военной) “Вперед”. В газете “Вперед” профессор Всеволод Иванов напечатал целый ряд совершенно мракобесных воинствующих антисоветских статей»¹⁵.

¹³ Иванов Вс.В. Дневники. М., 2001. С. 339–340. Нужно отдать должное порядочности Вс. Иванова: нигде, даже в письме Сталину, он не называет фамилии редактора газеты. Эта фамилия впервые прозвучала у Иванова в «Истории моих книг» в 1957 г., когда В. Яна уже не было в живых. В.В. Иванов и В.Г. Ян, судя по всему, встретились (или даже неоднократно встречались) в Москве. Об этом говорит книга «Сопки» Вс. Иванова, изданная в 1923 г. и сохранившаяся в личной библиотеке В. Яна, с дарственной подписью автора: «В память сибирских наших дней» (Просветов И.В. 10 жизней Василия Яна. С. 181–182, 195).

¹⁴ Анов Н.[И]. Сколько было Всеволодов Ивановых? // III–IV литературно-краеведческие Ивановские чтения (статьи, материалы, сообщения). Новосибирск, 2017. С. 36–51.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 43. Д. 34. Л. 45.

Но дело в том, что своей подлинной фамилией Вс.В. Иванов стал подписывать литературные произведения только с 1920 г., когда он уже работал в советском ведомстве – Отделе народного образования Татарского уезда Омской губернии. До того времени он выступал в печати под псевдонимом Всеволод Тараканов. И статьи, отнюдь не выражавшие симпатии к красным, публиковались под таким псевдонимом во многих газетах – от «Сибирского казака» (органа Осведомительного отдела Сибирского казачьего войска), где Вс. Тараканов помещал свои корреспонденции с фронта, до демократических, но от этого не менее белогвардейских газет «Заря» и «Дело Сибири» (Омск), а также «Земля и труд» (Курган)¹⁶. Следов такого участия Вс. Иванова-Тараканова в белой прессе обнаруживается не «несколько», не «один-два», а определенно больше.

Однако Вс. Иванов смог избежать преследований со стороны большевистского государства – и во многом благодаря той же осторожно-упредительной линии поведения, которой придерживался В.Г. Ян. Оказавшись на территории красных, Вс. Иванов немедленно стал формировать свою советскую биографию: переболев тифом, он устроился вместе с другом и сослуживцем по «редакции на колесах» Б.Д. Четвериковым в уездный отдел народного образования в г. Татарске¹⁷. Оба служили здесь во внешкольном подотделе, создавая городской клуб и театр, затем Вс. Иванов на некоторое время вернулся в Омск и работал в редакции газеты «Советская Сибирь», посылая в столичные журналы свои первые советские произведения, свежесть и талантливость которых оценил А.М. Горький. Омский псевдоним Всеволод Тараканов был при этом оставлен в прошлом. По настойчивой просьбе Вс. Иванова Горький пригласил его на литературную работу в Петроград, и в конце 1921 г. Вс.В. Иванов окончательно расстался с бывшей колчаковской столицей, где, как полагает исследователь его творчества Е.А. Папкова, над ним висела постоянная угроза расстрела за работу в белой прессе¹⁸. В ноябре 1922 г., уезжая из

¹⁶ Папкова Е.А. Сибирский период творчества Вс. Иванова. 1915–1921 гг. // Неизвестный Всеволод Иванов: материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 17, 19; Она же. Сибирская биография Всеволода Иванова // Москва. 2013. № 12. С. 124–130; Лоцилов И.Е. Николай Анов об Андрее Платонове и Всеволодах Ивановых // III–IV литературно-краеведческие Ивановские чтения (статьи, материалы, сообщения). Новосибирск, 2017. С. 34.

¹⁷ Б.Д. Четвериков говорит о себе и Всеволоде Иванове так: «Нашу дружбу скрепляли пройденные испытания, когда мы жили в одном вагоне весь девятнадцатый год и часть двадцатого, а затем были неразлучны в городе Татарске» (Четверикова Н. Великий труженик и жизнелюб // Четвериков Б.Д. Всего бывало на веку: [Воспоминания]. Л., 1991. С. 4).

¹⁸ Папкова Е.А. Сибирский период творчества Вс. Иванова. 1915–1921 гг. С. 12.

Петрограда в Москву, уже сам Вс.В. Иванов пригласил в северную столицу Б.Д. Четверикова, переложив на него редактирование «Литературной недели» – воскресного приложения к «Петроградской правде»¹⁹.

Дозирование и препарирование информации о своей работе в белой Сибири, смена места жительства, подлинных фамилий на псевдонимы и наоборот – эти нехитрые, но эффективные приемы социальной конспирации (которые, кстати, применяли тогда не одни только писатели, но огромное количество других интеллигентов – бывших жителей «белых» окраин), эти способы легализоваться в советской жизни и культуре были одной стороной медали. Другой являлась бурная творческая активность литераторов. Их энергия, помноженная на креативный потенциал, не давала общественности повода усомниться, что перед ними создатели новой революционной литературы. Начиная с 1922 г. Вс. Иванов ежегодно выпускал одну, а то и две новых книги. Бешеный темп творческой работы характерен в 1920–1930-е гг. и для Б.Д. Четверикова (который выступал до 1939 г. под псевдонимом Дм. Четвериков).

За 15 лет работы в Петрограде – Ленинграде писатель издал отдельными книгами 12 только крупных произведений – повестей и романов, не считая брошюр и публикаций в журналах. Его путь в литературе был прерван в апреле 1945 г. арестом и лагерным сроком (Четвериков находился в заключении до 1956 г.), но это знакомство с ГУЛАГом не было вызвано его работой в белой печати. Писатель был осужден по стандартным обвинениям («террористический акт», «антисоветская организация» и т. п.)²⁰.

Можно, казалось бы, делать вывод, что стратегия выживания, основанная на принципе: вовремя исчезнуть, переждать и вовремя появиться в новом качестве – стала оптимальной моделью поведения «белогвардейских» писателей в ситуации их «вращения» в советскую литературу. По крайней мере двум крупным писателям и нескольким менее известным такая линия помогла обрести репутацию исконно народных авторов.

Но в некоторых случаях, когда степень вовлеченности литератора в Белое движение была чересчур очевидна и многим известна, такое маневрирование с исчезновением, появлением и последующей советизацией лишь отсрочило процесс их ареста и казни. Наиболее оче-

¹⁹ Четверикова Н. Великий труженик и жизнелюб. С. 6–7; Она же. Борис Дмитриевич Четвериков. 1896–1981 // Распяты. Писатели – жертвы политических репрессий. СПб., 1998. Вып. 3. Палачей судит время / авт.-сост. З.Л. Дичаров. С. 209.

²⁰ Четверикова Н. Борис Дмитриевич Четвериков. 1896–1981. С. 205–210.

видный пример оттягивания неизбежной кары – судьба известного в России прозаика и драматурга С.А. Ауслендера.

Сергей Абрамович Ауслендер, племянник знаменитого поэта Михаила Кузмина, принадлежал до революции к литературной элите Петербурга. Литературная семья и писательская среда, в которой с детства вращался Сергей Ауслендер, помогли становлению его таланта. К 1917 г. он уже признанный автор многих петербургских журналов, литературный и театральный критик, член «молодежной редакции» журнала «Аполлон», писатель, выпустивший шесть отдельных изданий своих произведений, среди которых роман, две пьесы, три сборника рассказов²¹.

Мировая война привела столичного писателя, купавшегося в лучах славы, в ряды Союза земств и городов (Земгора). Ауслендер, как и многие другие российские писатели, стал добровольным помощником сражающейся армии. Он служил при штабе 2-й армии, затем при штабе фронта секретарем управления (заведовал, среди прочего, театральным отделом Земгора на фронте)²².

Приход большевиков Сергей Ауслендер воспринял резко отрицательно. Вернувшись с фронта, после распада армии, в Москву, он становится здесь журналистом газеты «Жизнь». В конце июля 1918 г. писатель уезжает из столицы на восток, где на территории Сибири, Урала и части Поволжья, в огне Гражданской войны, устанавливалась «белая» государственность. В августе 1918 г. С.А. Ауслендер, по его словам, нелегально перешел фронт под Казанью (которая уже была взята белыми) и оказался на территории, подконтрольной Комитету членов Учредительного собрания. Но то не было безоглядным бегством от «красного» кошмара. В своих показаниях следователям НКВД в 1937 г. С. Ауслендер объясняет свой отъезд в Сибирь вполне рационально: во-первых, здесь, в Семипалатинске, проживали его мать Варвара Алексеевна Кузмина и две ее дочери – сводные сестры Ауслендера. Сюда, а вовсе не в «белый» Омск прежде всего устремился Ауслендер, очутившийся в Сибири и желавший оказать родным материальную помощь. Во-вторых, как он пояснял следователям, «в Москве в это время закрылись все буржуазные газеты», а ему не-

²¹ Вышедшая в дореволюционный период проза С.А. Ауслендера в наши дни переиздана известным знатоком литературы «Серебряного века» А.М. Грачевой (См.: Ауслендер С.А. Петербургские апокрифы: роман, повести, рассказы / сост., вступит. ст., коммент. А.М. Грачевой. СПб., 2005).

²² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25281. Л. 7.

обходимо было остаться в литературной профессии²³. (Сотрудничать в советских изданиях Ауслендер в тот период, очевидно, не желал.)

В Семипалатинске С.А. Ауслендер провел с родными два месяца, и поздней осенью 1918 г. уехал в Омск, надеясь найти там литературную работу. Писатель появился в «белой» столице в двадцатых числах ноября и сразу же получил приглашение от редактора кадетской газеты «Сибирская речь» В.А. Жардецкого сотрудничать в этом издании (до революции Ауслендер вел раздел литературной и театральной критики в петербургском офицозе кадетов – газете «Речь») ²⁴. 28 ноября 1918 г. в «Сибирской речи» появилась первая статья С. Ауслендера, в дальнейшем писатель публиковался в газете регулярно²⁵. Пафос всех этих статей, очерков, рассказов, разумеется, был обращен против большевистской власти. Ко всему прочему, они талантливо написаны – и это обстоятельство заставляет в наши дни обращаться к сибирскому публицистическому наследию С.А. Ауслендера историков и литературоведов²⁶. Ауслендер стал первым официальным биографом Колчака: его статья «Адмирал» в «Сибирской речи» за 28 ноября была в том же 1918 г. отпечатана отдельной брошюрой в издании редакции фронтовой газеты «Сибирские стрелки» под названием «Адмирал Колчак». В 1919 г. С.А. Ауслендер написал другую, более обстоятельную брошюру (32 страницы) «Верховный правитель адмирал А.В. Колчак», выпущенную Русским обществом печатного дела (РОПД) максимальным тиражом. В издании РОПД в 1919 г. вышла также книга С.А. Ауслендера «Печальные воспоминания (О большевиках)», составленная на основе статей, публиковавшихся предварительно в «Сибирской речи». С. Ауслендер в 1918 г., как корреспондент газеты, присутствовал в Москве на собраниях, митингах и других мероприятиях большевиков с участием Ленина и Троцкого, видел многие события, знал факты. На основе своих лич-

²³ Там же. Л. 7–7 об.

²⁴ Там же. Л. 8.

²⁵ Полная библиография публикаций С.А. Ауслендера в газете «Сибирская речь» и других омских изданиях (91 название) приводится в статье историка русской литературы А.Г. Тимофеева. См.: Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска» (18 ноября 1918 – 14 ноября 1919 г.); материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. СПб., 2004. № 1. С. 20–37 (Приложение: материалы к библиографии С.А. Ауслендера. С. 26–29).

²⁶ См.: Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX в.: сб. ст. Новосибирск, 2012. С. 102–111; Он же. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2015. Т. 22. № 4. С. 64–70; Перхин В.В. Семнадцатый год в оценке С.А. Ауслендера (Очерки о политических лидерах) // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах. М., 2017. С. 228–237.

ных впечатлений он дал в этой книге негативные политические характеристики лидерам большевизма, их лозунгам и поступкам. Предполагалась к изданию еще и третья книга, составленная из путевых и фронтовых очерков Ауслендера, сопровождавшего адмирала Колчака в одной из поездок на фронт.

Довольно быстро С.А. Ауслендер стал лидером сообщества писателей белой столицы, первым в негласном рейтинге официальных литераторов колчаковской Сибири. Он появлялся на всех правительственных приемах (что не преминул в советское время живописать А.С. Сорокин в своих «Скандалах Колчаку»), получал от адмирала знаки особого внимания. Ауслендер вел в Омске различные литературные кружки и семинары, на которых выступал с чтением своих и чужих произведений (например, А. Блока), он был постоянным гостем во всех литературных салонах. Писатель вел и чисто политические акции, например, так называемые «вечера сближения» (совместные собрания-концерты) чешских войск и сибирской армии. Его, как главного певца Белого движения, знала вся Сибирь, и эта публичность в дальнейшем помешала С. Ауслендеру уйти от мести большевиков.

Ауслендер бежал из Омска одним из последних. С отъездом на восток всего штата Русского общества печатного дела он остался в городе в составе маленькой «фронтальной» группы сотрудников общества. В воспоминаниях упоминавшегося выше вице-директора РОПД писателя Вс.Н. Иванова имеется красочный эпизод этого бегства. Днем 14 ноября 1919 г., когда выстрелы наступавших красных зазвучали уже близко к центру Омска, под окнами РОПД, Вс.Н. Иванов и С.А. Ауслендер «с маленьким чемоданчиком», захватив кошелку с лошадьми, преодолевая заторы, под артиллерийским обстрелом, едва успели вырваться из города по мосту через Омь²⁷. Дальше последовало медленное путешествие до Новониколаевска в поезде Осведомительного отдела 3-й армии, а затем... всякие следы С.А. Ауслендера для его друзей и врагов теряются на целых три года.

Много лет спустя на следствии в НКВД С.А. Ауслендер сообщил, что в декабре 1919 г. он добрался с частями колчаковской армии до Томска, где его укрыли друзья. Из Томска он не хотел и не мог бежать, так как у него были отморожены ноги. На вопрос следователя: «Вы сдались красным?» последовал ответ: «Нет, красным я не сдался. Я перешел на нелегальное положение. На имеющемся у меня бланке

²⁷ Иванов Вс.Н. Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922 гг.): Главы из воспоминаний // Иванов Вс.Н. Императрица Фике. Дочь маршала: Исторические повести. М., 1992. С. 427–429.

Земского союза [Земгора. – *Авт.*] я написал удостоверение на имя Гришина Сергея Никитича, по которому я проживал до 1922 г.»²⁸.

Под именем учителя С.Н. Гришина Ауслендер устроился в 1920 г. на работу воспитателем в детский дом отдаленного села Томской губернии, затем, познакомившись и сдружившись с заведующим детским домом в деревне Белобородово (той же губернии) П.А. Голубевым, перевелся к нему воспитателем.

В 1928 г., уже утвердившись в советской литературе, С.А. Ауслендер подобрал соответствующие формулировки для объяснения сибирских страниц своей жизни. Он, разумеется, не мог откровенничать о своей роли в колчаковском Омске и описал это время в расплывчатых выражениях: «...Путешествия по самым далеким углам России, занятия самые разнообразные. На шесть лет совершенно ушел от литературы, кроме случайной газетной работы»²⁹. В другом варианте автобиографии писатель сообщает, что он «уехал к родным в Сибирь, занимался делами самыми разнообразными, был свидетелем событий самых необычайных»³⁰.

Зато о своей работе в детских домах (школах-коммунах) Сергей Абрамович повествовал развернуто, даже в ностальгических тонах: «Переменив много профессий, в 1920 году натолкнулся на работу с ребятами. Вдруг оказалось, что дело это для меня интересное, близкое, нужное. Два года служил рядовым воспитателем в детских домах. В далеком сибирском селе (200 верст от города и железной дороги) познал огромный энтузиазм строительства, созидания новой жизни. В обстановке разрухи, голода, не затихавших восстаний строили восторженно новую школу. Эти годы круглосуточной жизни и работы с ребятами (я и спал в общей спальне) останутся незабываемыми для меня по какой-то особенной, почти непередаваемой сейчас пламенной напряженности»³¹.

Наступили времена нэпа, и сибирский затворник С. Ауслендер-Гришин понял, что пора возвращаться в мир столичной литературы. В Сибири его уже ничто не держало: в 1922 г. в Семипалатинске от тифа умерла его мать. В сентябре 1922 г. Ауслендер, еще под фамилией Гришина, заезжает по дороге в Семипалатинск за сестрами и знакомится здесь с мужем сестры Варвары – педагогом и театральным деятелем Аркадием Трофимовичем Мухортовым, человеком, который спустя пятнадцать лет «сдаст» его НКВД.

²⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25281. Л. 8 об.–9.

²⁹ Ауслендер С.А. Автобиография // Собр. соч. М., 1928. Т. 1. С. 20–21.

³⁰ Ауслендер С.А. [Автобиография] // Писатели: Автобиограф. и порт. соврем. рус. прозаиков. 2-е изд., доп. и испр. М., 1928. С. 30.

³¹ Там же.

Все вместе они в октябре 1922 г. приезжают в Москву (где, в отличие от Петрограда, С. Ауслендера почти не знали), вместе селятся в одной квартире. А затем Гришин вновь превращается в Ауслендера. По семейной легенде, переданной в воспоминаниях его родственницы Н.Н. Минакиной, оформление С.А. Ауслендеру паспорта на подлинную фамилию распорядился сделать В.Р. Менжинский, заместитель председателя ГПУ, к которому Сергей Абрамович обратился с просьбой и объяснениями своих действий в Сибири³².

До революции Менжинский увлекался литературой, пробовал писать, входил в кружок авторов, группировавшихся вокруг Михаила Кузмина, ходил на писательские диспуты и собрания. Он был знаком тогда и даже, может быть, дружен с Кузминым и Ауслендером. Прямое обращение к Менжинскому было, поэтому, вполне логичным вариантом политического покаяния. Это событие полностью подтверждают материалы следствия 1937 г., а также повторного следствия 1939 г.: и сам Ауслендер, и допрошенные свидетели говорили, что (как сформулировал писатель Л.А. Кассиль) Ауслендер «встречался с тов. Менжинским (о котором говорил с благодарностью и любовью), и тов. Менжинский, приняв объяснения Ауслендера о его работе у белых, дал ему возможность честной работой загладить прошлое»³³.

Под своей настоящей фамилией С.А. Ауслендер возобновил сотрудничество в столичной печати, помещая с осени 1922 г. заметки в журнале «Театр» и давая корреспонденции в газету Московского союза потребительских обществ. Его давний (с 1912) знакомый писатель Ю.Л. Слезкин, встретивший С.А. Ауслендера в столице одним из первых, говорил на следствии, что Ауслендера трудно было узнать: «он появился в Москве бородатый, сильно изменившийся»³⁴. М.А. Кузмин записал в дневнике, что первое письмо от племянника из Москвы он получил 21 ноября 1922 г.³⁵ Входя в орбиту литературных занятий, Сергей Абрамович стал в 1923 г. участником кружка «Зеленая лампа», заседания которого, по некоторым сведениям, проходили по субботам у него дома. Завсегдатаями кружка, кроме Ауслендера, являлись М.А. Булгаков, В.И. Мозалевский, Ю.Л. Слезкин, Б.П. Денике, А.И. Венедиктов, Е.И. Шамурин – последние трое, как

³² Минакина Н.Н. Воспоминания о Михаиле Кузмине и Сергее Ауслендере / публ., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена. Проблемы. Факты. М., 2000. Вып. 1. С. 160.

³³ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25281. Л. 9 об., 29, 31.

³⁴ Там же. Л. 39.

³⁵ Бурлешин А. [Рец. на кн.:] Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы. СПб., 2005 // Критическая масса. М., 2006. № 3. С. 316–345.

и Ауслендер, находились в 1918–1919 гг. в колчаковском Омске и в разной степени участвовали в белой прессе³⁶.

Но возвращение в литературную среду само по себе ничего не решало. Необходимо было определиться с новым литературным амплуа писателя С. Ауслендера, оставившего позади изысканную стилизацию под XIX в. и политическую публицистику. Ауслендер, как и многие другие литераторы, пришедшие из Белого движения, выбрал «эмиграцию» в детскую литературу: он стал автором пьес для юной аудитории, а затем приключенческих и исторических повестей. В литературных архивах сохранились его первые опыты в жанре детской драматургии: пьесы «Голубоглазка» и «Подвиг дядюшки слона». Оба произведения написаны в 1923 г. в соавторстве с А.А. Солодовниковым³⁷. В издании Русского театрального общества в 1924 г. вышла публикация С.А. Ауслендера и А.А. Солодовникова «Колька Ступин»³⁸.

Заинтересовавшись написанием пьес для детей, С.А. Ауслендер привлек к этой работе своего товарища по томским школам-коммунам П.А. Голубева, который тоже сочинял нехитрые сценические миниатюры. В 1923 г. Ауслендер пригласил Голубева в Москву, где тот устроился на работу в один из подмосковных детских домов и пробовал свои силы в литературе. Друзья часто встречались в Госиздате и дома у Сергея Абрамовича. Когда Ауслендер поступил работать в Московский ГТЮЗ, следом за ним в театр пришел (в 1930 г.) и Голубев³⁹.

12 февраля 1924 г. С.А. Ауслендер участвовал в учредительном заседании Ассоциации детских писателей и стал ее членом⁴⁰. В это время он продолжает писать и издавать детские пьесы. Выходят отдельными изданиями пьеса «Правь на север» (1925), сборник сценариев «Театр для детей» (1927). Но основным писательским занятием Ауслендера с 1924 г. становится проза для юных читателей. Выходят его книги, содержащие рассказы «Ромка» (1924, второе изд. 1927), «Случай на море» (1925, второе изд. 1926), «Маленький Хо» (1926), «Пугаченок» (1926), «Ребятишки и малыши» (1927), «Октябрь» (1927), повесть «Много впереди» (1924, второе изд. 1925). Сборник рассказов

³⁶ Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска». С. 21, 35.

³⁷ Архив Института мировой литературы РАН (ИМЛИ). Ф. 301. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–22; Д. 6. Л. 1–14.

³⁸ Пьеса была поставлена в годовщину большевистской революции 7 ноября 1923 г. в 1-м Государственном театре для детей, во многом благодаря настоянию А.В. Луначарского, но получила разгромные отзывы в центральной прессе (См.: Бурлешин А. [Рец. на кн.:] Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы. С. 316–345).

³⁹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25281. Л. 32 об.–33.

⁴⁰ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 416. К. 10. Д. 18. Л. 1.

зов «Мальши» выдержал три издания (1926, 1928, 1930). В это же время выходят из печати произведения, которые чуть позже С. Ауслендер отобрал в восьмитомное собрание своих сочинений: историческая повесть «За волю народную», «негритянская повесть “Черный вождь”», «китайская повесть “Некоторые замечательные случаи из жизни Ли-Сяо”», повести «Дни боевые», «Первые грозы» и «Оля». С 1924 по 1928 г. увидели свет 26 книг детской прозы и пьес С.А. Ауслендера – изданий и переизданий. Большинство их было выпущено Госиздатом РСФСР, две книги представляли продукцию частного издательства Г.Ф. Мириманова. В 1928 г. в издании «Молодой гвардии» вышел первый (и единственный после революции) «взрослый» исторический роман С.А. Ауслендера «Пугачевщина» с предисловием критика-коммуниста Н.Ф. Чужака.

Литературная общественность 1920-х гг. отмечала большой успех приключенческой и исторической, как и историко-революционной прозы Ауслендера у юных читателей. Сергей Абрамович умел строить фабулу, находить интересные сюжетные ходы, избегать скуки и назидательности. Как свидетельство признания и востребованности его творчества, Московское издательство писателей взялось в 1928 г. за издание собрания сочинений С.А. Ауслендера, предполагавшееся в восьми томах. Серия, в которых выходили эти тома, называлась «Библиотека путешествий, приключений и исторических романов, повестей, рассказов». В течение года были выпущены тома с 1 по 5 и том 7. На этом издании неожиданно прекратилось.

Внезапным образом в 1928 г. поменялась и творческая стезя С.А. Ауслендера. 15 сентября 1928 г. он поступил на работу в Московский театр юного зрителя, где руководящую должность занимал брат его сестры, уже упоминавшийся А.Т. Мухортов. Сергей Абрамович работал заведующим педагогической и литературной частью театра, подбирая репертуар, заказывая пьесы драматургам⁴¹. Сам он в это время почти ничего не писал – не только прозу, но и пьесы. Исключение составляют переработанная С. Ауслендером «народная комедия XIV века», французская пьеса «Пройдохи (Адвокат Патлен)», текст которой был выпущен Государственным издательством художественной литературы в 1934 г., а также пьеса «Блуждающая школа», написанная совместно с Л.А. Кассилем специально для Московского ТЮЗа. Обе пьесы, по отзывам прессы, имели громкий успех. Следующая пьеса С. Ауслендера «Мальчик-невидимка», поставленная в 1936 г. Саратовским ТЮЗом, оказалась неудачной, литератур-

но слабой и вдобавок нагруженной идеологическими шаблонами о «бдительности» и «вражеском окружении»⁴².

Тучи над головой С. Ауслендера, по-видимому, сгущались давно. О его колчаковском прошлом знали многие, а сам он, попав в благоприятную творческую среду, пренебрегал отмеченными выше «правилами выживания»: был слишком на виду (собрание сочинений, весомая должность в столичном театре), использовал фамилию, известную всем по Омску, подставлялся коммунистической критике своими «идейными» произведениями (коих написал немало).

Между тем терпимость к бывшим противникам сменилась в советской России на ненависть. 22 октября 1937 г. С.А. Ауслендер был арестован. Семейное предание, которое приводит в своих воспоминаниях Н.Н. Минакина, говорит о том, что писатель был схвачен по доносу А.Т. Мухортова – мужа его сестры и одновременно начальника Ауслендера по работе: Мухортов был в это время директором Московского ТЮЗа. (Отметим, что Ауслендер, его сестра и ее муж Мухортов жили вместе в одной квартире)⁴³. Подтвердить или опровергнуть это нет возможности – донос в следственном деле отсутствует. Но то, что А.Т. Мухортов, а за ним и другие свидетели дали показания против С.А. Ауслендера, несомненно. «Ауслендер враждебно настроен к советской власти, замаскированный антисоветский человек. ...В начале сентября 1937 г. Ауслендер высказывал свое желание уехать за границу... По вопросу о Конституции СССР Ауслендер высказывал всевозможную клевету» (А.Т. Мухортов). «Я могу характеризовать его как человека антисоветски, враждебно настроенного... Ауслендер всю свою работу в театре строил и проводил, направляя ее на подрыв и ухудшение деятельности театра. Мне известны случаи, когда Ауслендер становился на прямой путь контрреволюционной деятельности – создания группировок среди сотрудников театра в целях разложения коллектива и вызова у них недовольства против руководства театром» (А.И. Минаев, заместитель директора Московского ТЮЗа). В таком же духе высказался журналист и писатель А.М. Громов – бывший сослуживец С.А. Ауслендера в 1919 г. по газете «Сибирская речь», сам арестованный в это время по тому же обвинению – участие в белогвардейской прессе (он будет расстрелян в один день с С. Ауслендером)⁴⁴.

⁴² Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска». С. 23–24.

⁴³ Минакина Н.Н. Воспоминания о Михаиле Кузине и Сергее Ауслендере. С. 161–162; ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25281. Л. 4 об., 10.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25281. Л. 10–15 об.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25281. Л. 35.

Исследователи могут задаться вопросом: чем была вызвана очевидная неприязнь начальника А.Т. Мухортова к подчиненному С.А. Ауслендеру? Возможно, почвой для трений послужили банальные финансовые разборки. Еще в 1927 г. С. Ауслендер в частном письме сообщал, что он доверил все свои денежные дела Мухортову, а тот говорил ему, что гонорары за его произведения издательства задерживают⁴⁵.

Едиственный допрос самого С. Ауслендера состоялся 28 ноября 1937 г. Писатель честно рассказал следователю о своем пребывании в колчаковском стане, о работе в омских газетах и жизни под чужой фамилией. Он не считал нужным утаивать свое враждебное в те годы отношение к большевикам. Но категорически отверг обвинения в том, что он «до последнего времени» был противником коммунистической системы. На повторный «нажим» следователя Ауслендер ответил: «Я говорю правду. Враждебности к советской власти не высказывал». В этой части писатель отказался признать свою вину перед государством⁴⁶.

9 декабря 1937 г. «тройка» при УНКВД по Московской области приговорила С. Ауслендера к расстрелу. 11 декабря 1937 г. приговор был приведен в исполнение. Родным писателя послали стандартное сообщение о «десяти годах заключения без права переписки».

Минуло полтора года. Л.П. Берия, пришедший к власти в НКВД, был вынужден затормозить маховик репрессий. Из тюрем и лагерей начали возвращаться заключенные, чья вина не была доказана. Воспользовавшись моментом, две сводных сестры С. Ауслендера – В.П. Мухортова и Л.П. Тезейкина – подали в мае 1939 г. жалобу в прокуратуру г. Москвы с просьбой о пересмотре дела Ауслендера. В защиту писателя выступили трое его коллег, чьи письма прилагались к заявлению. Нужно отдать должное смелости знаменитого детского писателя Льва Кассиля, который в письме для прокуратуры исключительно тепло отзывался об Ауслендере и напрочь отвергал версию о его антисоветизме (при том, что у самого Л.А. Кассиля был арестован его брат И.А. Кассиль – руководитель писательской организации в Саратове). «Сергея Абрамовича Ауслендера, – писал Л. Кассиль, – я знал на протяжении шести последних лет, часто встречался с ним, писал с ним пьесу, был близко знаком с ним как с писателем и человеком. Всегда, и на работе, и в самых интимных беседах С.А. Ауслендер производил впечатление глубоко советского, очень искренне преданного советской власти, просто влюбленного в нашу действительность человека... Я, как и многие другие писатели,

лично знавшие Ауслендера, убежден, что никакой антисоветский поступок или умысел Ауслендер совершить или затаить органически не мог»⁴⁷.

Льву Кассилю вторили два других «писателя-орденоносца» – А.М. Файко и В.В. Шкваркин, сообщавшие в прокуратуру: «Он всегда производил впечатление не только просто лояльного, но глубоко преданного советской власти человека. Он был энтузиастом своего дела, отдавал все силы строительству детского театра и созданию полноценного репертуара для советских ребят. Мы судим о нем не только по его общественной деятельности и литературной работе, но и по тем личным встречам и беседам, в которых он без тени декларативности и внешней фразы проявлял себя человеком глубоко и искренне любящим нашу советскую действительность и советскую культуру»⁴⁸.

Скорее всего, это чистая правда. Влюбленный в свою работу Ауслендер был вполне доволен властью, увлечен ее успехами и прочно захвачен в плен советской идеологией. В этой связи можно поставить под вопрос утверждение одного из современных авторов о том, что весь советский энтузиазм С. Ауслендера был вынужденным приспособленчеством⁴⁹.

Повторное следствие по делу С.А. Ауслендера началось 30 декабря 1939 г. и закончилось 5 февраля 1940 г. Вновь допрошенные в качестве свидетелей А.Т. Мухортов и А.И. Минаев юлили, смягчали прежние показания, говорили, что обвинения в адрес Ауслендера были в 1937 г. приписаны им следователями и такая интерпретация их слов, какая записана в протоколах, «не совсем правильна». Оказывается, утверждение о желании Ауслендера эмигрировать за границу основано на том, что он как-то обронил фразу, что хотел бы поехать на Всемирную выставку 1937 г. в Париж, но его, конечно, не пустят, так как многие из выпущенных за рубеж там бы и остались. А «клевета на Конституцию» состояла в том, что Ауслендер в домашнем кругу пересказал неосторожную фразу Генерального прокурора СССР А.Я. Вышинского, делавшего доклад о Конституции. На вопрос из зала, войдут ли в число избирателей заключенные и ссылки, Вышинский ответил, что избирателями эта категория граждан, конечно, не будет, потому что в Советском Союзе находится в заключении и в ссылке огромное количество осужденных. А.И. Минаев

⁴⁷ Там же. Л. 23.

⁴⁸ Там же. Л. 24–25.

⁴⁹ Кумбарг А. Он был спичрайтером Колчака. К 130-летию со дня рождения незаслуженно забытого писателя Серебряного века // Еврейская панорама. 2016. № 9(27). Сент. С. 49.

⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 784. К. 18. Д. 12. Л. 1.

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25281. Л. 9 об.

фактически вообще отказался от показаний 1937 г., зато воздал хвалу С. Ауслендеру: «Он страшно любил работать с детьми, его очень многие дети знали. Он был одним из инициаторов работы с активом детей при театре, и если работа падала, то он этим был недоволен и говорил об этом на дирекции»⁵⁰.

Впрочем, А.Т. Мухортов, перешедший к тому времени на работу заместителем директора Московского областного театра кукол, в целом не изменил негативного мнения об Ауслендере. К прежним показаниям он добавил тот факт, что в Москве «Ауслендер встречался с людьми, работавшими вместе с ним в период колчаковщины в Омске. В частности, он встречался с бывшей женой Колчака» (А.В. Тимиревой. – *Авт.*)⁵¹. Кроме двух прежних свидетелей, по новому делу С. Ауслендера были допрошены Л.А. Кассиль, П.А. Голубев и Ю.Л. Слезкин.

Рассмотрев вновь собранные показания, помощник прокурора г. Москвы по спецделам вынес 5 февраля 1940 г. постановление: «Жалобу Мухортовой В.П. оставить без удовлетворения»⁵². Собственно, никакого другого решения последовать и не могло: С.А. Ауслендер уже два года как был казнен. Апелляция его сестер была основана на незнании этого факта.

Перипетии судьбы Сергея Ауслендера показывают, сколь опасной являлись жизнь и работа в советской среде для литераторов, за которыми тянулся длинный шлейф «компромата» из белогвардейского прошлого.

Кроме той «формулы выживания», которая прослежена в данной статье на примере трех известных писателей, существовали две другие модели поведения бывших «белых» писателей и журналистов, которые на время спасали их от репрессий со стороны советского государства. Более массовой и распространенной, например, была немедленная мимикрия под советскую литературную поденщину. Никуда не уехав из насиженных мест и не прячась, эта категория литературных работников тихо пришла в советские газеты, журналы и издательства и сотрудничала в них так же, как до этого трудилась на белогвардейцев – как будто ничего не произошло. В такой манере «вживались» в пролетарскую действительность уже упоминавшийся А.М. Громов, Г.А. Вяткин, В.Н. Март (Матвеев), Г.В. Гончар, М.А. Кравков и другие мастера слова. Но благополучие авторов, выбравших такой, самый простой путь сожительства с большевистской диктатурой, являлось

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25281. Л. 27.

⁵¹ Там же. Л. 28–29 об.

⁵² Там же. Л. 45.

обманчивым. Практически все они были сметены ураганом репрессий в годы Большого террора. Исключение составил В.И. Язвицкий (который в колчаковском Омске был известен не менее В.Г. Янчевецкого и С.А. Ауслендера) – но его выручало давнее знакомство по социал-демократическому движению с В.И. Лениным, Н.К. Крупской, А.В. Луначарским и другими видными большевиками.

Была и третья модель поведения: быстро стать в передовые ряды глашатаев большевизма и, превосходя всех в идейном порыве, строить советское общество, замаливая тем самым «грехи» Гражданской войны. По такому пути пошли десятки журналистов и литераторов, некоторые из которых в 1930-е гг. стали в своих регионах руководителями отделений Союза писателей, основоположниками «социалистического реализма» и сегодня чтятся как корифеи и родоначальники краевой советской литературы. Не называя фамилий, отметим лишь, что это не помогло им избежать того же сталинского эшафота.

К середине 1950-х гг., со смертью практически всех представителей «белогвардейской» литературы, феномен их борьбы за самосохранение в советской культурной среде перестал существовать.